

8 41
96.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ ОБРАБОТКѢ У НАСЪ ОБЩАГО УЧЕНІЯ О ПРАВѢ.

—
(По поводу юридической догматики проф. Каустишна и критическихъ статей проф. Незабитовскаго).
—

С Т А Т Ъ Я I.

Передъ нами два труда: юридическая догматика проф. Каустишна (общая часть, выпускъ 1-й, 1868 г.) и критическія статьи проф. Незабитовскаго (помѣщенные въ Кіевскіяхъ Унив. Извѣстіяхъ за 1868 годъ), въ которыхъ онъ излагаетъ свои воззрѣнія на основанія и систему права. Оба труда далеко несходны между собою по взгляду на предметъ, приемамъ обработки, научному достоинству и даже по объему (последній состоитъ всего изъ 3 печ. листовъ), но и тотъ и другой заключаютъ одно и то же содержаніе, и вотъ причина, почему мы поставили ихъ вмѣстѣ, и посвятимъ каждому нѣсколько замѣчаній.

Нельзя сказать, чтобы настоящее время было благопріятно у насъ для разработки общихъ ученій о правѣ. Реформы повѣйшаго времени, особенно судебныя, вызвали преобладаніе въ наукѣ практической стороны права и тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые непрерывно возникаютъ въ дѣятельности судебной и административной; въ этой сферѣ наше правовѣдѣніе приобрѣло въ послѣдніе 2, 3 года нѣсколько весьма замѣчательныхъ и полезныхъ трудовъ. Но современное увлеченіе вопросами приложенія права близится къ концу; можно предвидѣть недалекое время, когда наша практика и вообще юриди-

ческая жизнь почувствуют потребность свести добытый материал къ общимъ результатамъ и пайти тѣ руководящія пути, безъ которыхъ приложение и рѣшеніе частныхъ вопросовъ получаютъ характеръ шатливый, случайный и оторванный отъ общаго развитія знаній и цивилизаціи.

Правовѣдѣніе, какъ и всѣ другія, особенно гуманитарныя, науки, постоянно колебалось между направленіемъ идеальнымъ и реальнымъ, при чемъ, смотря по условіямъ и настроенію общества, преобладало то или другое. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи науки никогда не печезало стремленіе уяснить принципы каждаго изъ этихъ направленій, опредѣлить взаимное между ними отношеніе и свести къ одному болѣе общему и постоянному началу. Съ наибольшимъ запасомъ силъ и глубокимъ пониманіемъ дѣла стремился къ тому же и Кантъ. Но его гениальный умъ и педантично-логическая послѣдовательность показали, намъ кажется, весьма ясно неисполнимость задачи и ограниченность человѣческихъ силъ, для которыхъ какъ-бы предустановлено постоянно расширять кругъ своего вѣдѣнія, но никогда не переходить за вѣтной черты, окружающей міръ безкопечный. Послѣ Канта было довольно попытокъ со стороны идеалистовъ (Шеллингъ, Гегель) и реалистовъ (Гербартъ, Дробиницъ) перейти эту границу, но каждая изъ нихъ разбивалась собственными противорѣчіями и лишь доказывала истинность выводовъ Канта въ его критикѣ чистаго разума. Пытались въ послѣднее время сказать свое слово и материалисты (крайняя школа реалистовъ), но столь торжествующіе въ своей положительной сферѣ, они впадали здѣсь въ тотъ же грѣхъ субъективныхъ, произвольныхъ гаданій, въ которомъ такъ справедливо упрекали идеалистовъ.

Въ настоящее время въ правовѣдѣніи господствуетъ направленіе реальное, въ лучшемъ значеніи этого слова. Отказавшись отъ произвольныхъ общихъ принциповъ права, оно стремится изслѣдовать всю совокупность силъ, дѣйствующихъ въ челоѣкѣ, обществѣ и природѣ

и определяющих образование права. Упрекают реалистов в единении начал разнородных, непослѣдовательности, невыдержанности метода; доводят упреки даже до того, что утверждают, будто бы нынешние реалисты, не давая ничего нового, стоят на старой абстрактно-идеальной почвѣ, и суть не болѣе какъ продолженіе и видоизмѣненіе одного и того же воззрѣнія идеалистическаго. Упреки въ непослѣдовательности и противорѣчіяхъ въ известной степени справедливы; но они должны падать не столько на реалистовъ, сколько на общее состояніе правовѣдѣнія и на условія нынешней юридической жизни. Позволимъ себѣ спросить: возможно-ли строгое единство принциповъ, если жизнь представляетъ начала разнородныя, которыхъ сродства и обобщенія не удалось еще открыть? Есть-ли достаточно данныхъ для полной повѣрки началъ? Есть-ли возможность дать законченную опредѣленность понятіямъ, когда многія области права еще не вполне уяснили свое содержаніе, а другія являются лишь въ зародкѣ, о значеніи и мѣстѣ которыхъ въ системѣ права идетъ въ наукѣ горячій споръ (обществовѣдѣніе, политика и др.)? Неужели реалисты, ради формальной логической послѣдовательности и произвольнаго единства принциповъ, должны опускать явленія жизни или насиловать факты?

Что же касается мысли, будто-бы нынешние реалисты остаются на старой идеальной почвѣ, измѣнивъ лишь названія предметовъ, то она совершенно ложна. Идеалисты смотрѣли на право какъ на произведеніе челоуѣка, который устанавливаетъ его по своимъ умозрѣніямъ и цѣлямъ, и во всякое время можетъ измѣнить его. Реалисты видятъ въ правѣ произведеніе общихъ силъ, въ средѣ которыхъ челоуѣку принадлежитъ лишь известная доля, большая или меньшая, смотри по условіямъ жизни; слѣдовательно по ихъ воззрѣніямъ право не создается и не измѣняется въ каждое время по самовластнымъ требованіямъ челоуѣческаго разума. Прежде всякихъ преобразованій, не-